

что въ нихъ онъ усматриваетъ символъ единства вселенной. Въ этихъ гротахъ, гдѣ камень какъ бы преобразовался въ росу и паръ, гдѣ капля окаменѣла и приняла архитектурныя формы, — въ этихъ гротахъ созерцательный поэтъ чувствуетъ себя болѣе дома и духъ его охотнѣе парить, нежели въ дубовыхъ лѣсахъ Даніи на берегу Зунда. Его безпредѣльное увлеченіе пѣснопѣніями въ римско-католической церкви, — увлеченіе, доходившее до того, что онъ сравнивалъ службу Кресцентини съ ликомъ Сикстинской Мадонны — объясняется тѣмъ, что ему въ этомъ пѣніи являлась мужеская сила, таинственно сливающаяся съ чарами дѣвственности; то же самое представлялось ему въ фигурахъ Вакха или гермафродитовъ древности. Пластическое соединеніе противоположностей пола восхищало его одинаково, какъ и музыкальное разноречіе. — Почему? — Именно потому, что гермафродитизмъ былъ однимъ изъ символовъ, въ формѣ котораго глазамъ поэта представлялось единство всего существующаго, духъ вселенной, служившій предметомъ его пожеланій и источникомъ, изъ котораго онъ ихъ почерпалъ. Природа, какъ божество, была для него „великимъ гермафродитомъ вселенной“.

Итакъ, въ настоящемъ случаѣ, какъ оказывается, необходимо было постичь философскія и религіозныя воззрѣнія поэта, чтобы получить ключъ къ цѣлой серіи его различныхъ произведеній. Эти воззрѣнія встрѣчаются повсюду, какъ бы ни была обособлена и индивидуализирована ихъ внѣшняя форма, и притомъ съ такою очевидностью, какой Тэнъ никогда не могъ достигнуть при помощи допускаемой имъ „господствующей способности“ — *faculté maitresse*.

Между тѣмъ теорія „господствующей способности“ есть только одна изъ точекъ зрѣнія критики Тэна. Позже, онъ все болѣе и болѣе сталъ объяснять произведенія искусства состояніемъ культуры, взятой во всей ея совокупности, а природу художника — его средой. Геній, въ его глазахъ, есть итогъ, и все то, что онъ порождаетъ — все это итоги. Разсуждая такимъ образомъ, Тэнъ не отходитъ, однако, совсѣмъ отъ своей прежней точки зрѣнія, ибо его новую теорію собственно можно выразить и такимъ образомъ: художникъ представляетъ собою господствующія свойства своего вѣка и преобладающую способность своего народа. Относительную справедливость такого положенія оспаривать нельзя, и всякому извѣстны тѣ великіе результаты, къ какимъ пришелъ Тэнъ, при помощи такого положенія. Но объяснять искусство культурой, — это все равно, что объяснять одинъ членъ организма другимъ, не принимая въ соображеніе его осо-